

№ 38.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

1915 г.

XVI, 1915, 102

ВОЙНА

(прежде, теперь и потомъ).

ЦѢНА 10 к.

ПЕТРОГРАДЪ.

МАЙ.

Бельгійская собака злобнымъ лаемъ встрѣчаетъ германскихъ варваровъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1915 годъ

На 1 годъ
4 руб.

на сенсационный, литературно-художественный
□ роскошно-иллюстрированный въ краскахъ □
• • • ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ • • •

На 1/2 года
2 руб.

20ый ВЪКЪ

(ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ)

Каждый номеръ, **СПЕЦИАЛЬНЫЙ-ВОЕННЫЙ.**
до конца войны,

за ЧЕТЫРЕ ГОДА существованія—„20-й ВЪКЪ“ занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ, по количеству тиража въ русской периодической печати.

180.000 экземпляровъ въ недѣлю—лучшее доказательство необычайнаго успѣха журнала у русской читающей публики.

Каждый № „20-го ВЪКА“ содержитъ въ себѣ захватывающе-интересные военные рассказы русскихъ и иностранныхъ авторовъ.—Рассказы-корреспонденции съ театра войны.—Разоблаченія военного шпіонажа непріятельскихъ странъ.—Кошмары войны.—Война въ воздухѣ.—Война подъ водой.— Наши

герои.—Военно-историческій альбомъ.—Шрапнель (курьезы войны)—Веселыя мины.—Художественное воспроизведеніе рисунковъ.—Всѣ рисунки ясны и отчетливы.—Картины и рисунки на военныя темы.—Вооруженіе друзей и враговъ.—Фотографіи собствен. корреспонд. съ театра войны.

Подписная цѣна съ пересылкой по всей Россіи: На 1 годъ 4 руб.; на полъ-года 2 руб., на 3 мѣс. 1 р.

Деньги адресовать въ контору журнала „20-й ВЪКЪ“ Петроградъ, 7-я Рождественская, 30.

Розничная продажа, по 6 коп. за номеръ, производится у всѣхъ газетчиковъ столицъ и провинціи, на пароходн. пристаняхъ и въ кіоскахъ

НА ВСѢХЪ СТАНЦІЯХЪ ЖЕЛѢЗНЫХЪ ДОРОГЪ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1915 годъ
(одиннадцатый годъ изданія),

на ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ иллюстрированный
худож.-литерат.
ЖУРНАЛЪ РУССКОЙ И ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ЛЕГКАГО ЖАНРА

„ВСЕМІРНЫЙ ЮМОРЪ“

Въ журналѣ печатаются злободневные „военные“ фельетоны и рассказы легкаго жанра лучшихъ иностран. авторовъ, изъ послѣднихъ №№ французскихъ, английскихъ, итальянскихъ и польскихъ юмористическихъ изданій.

Особенное вниманіе обращено на художественную сторону изданія.

Не менѣе 30 рис. и каррикатуръ въ каждомъ номерѣ въ многокрас. обложкахъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ пересылкой по всей Россіи: на 1 годъ 5 р., на 1/2 года 2 р. 50 к., на 1/4 года 1 р. 50 к.

Розничная продажа №№ журнала производится во всѣхъ кіоскахъ столицъ и провинціи, на всѣхъ станціяхъ желѣзныхъ дорогъ и пароходныхъ пристаняхъ и у газетчиковъ—по 10 к. за номеръ.

Деньги и письма адресовать въ главную контору журнала „Всемирный Юморъ“ Петроградъ, 7-я Рождественская, 30.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1915 годъ
(одиннадцатый годъ изданія),

на ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ САТИРЫ и ЮМОРА
„ПОПРЫГУНЬЯ-СТРЕКОЗА“

ВО ВСЕ ВРЕМЯ ВОЙНЫ

Каждый номеръ СПЕЦИАЛЬНЫЙ-ВОЕННЫЙ. Не менѣе 30 рисунковъ и каррикатуръ въ каждомъ номерѣ, въ многокрасочныхъ обложкахъ. Безлощадная борьба съ нашими врагами, при помощи ядовитого смѣха—вотъ задача журнала въ 1915 г. Журналъ гордится тѣмъ, что уже испортилъ много крови кайзеру Вильгельму и Францъ-Иосифу, когорые уже дали обѣщанія разстрѣлять редактора и всѣхъ сотрудниковъ... когда въ полѣ ракъ свистнетъ.

Въ 1915 г. въ журналѣ „Попрыгунья-Стрекоза“ по прежнему принимаютъ участіе слѣдующіе известные русскіе юмористы:

Серъ Пичъ-Брэнди.—Евгеній Вѣнскій.—Евгеній Сно (Ясновидящій).—Наль.—И Герсонъ (Зрячій).—Сергій Михѣевъ.—Вегеновъ.—Н. Агнiewiczъ.—Вильгельмъ Теткинъ.—Амадисъ Гальскій и друг.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ пересылкой по всей Россіи: На 12 мѣс. 4 руб.; на 6 мѣс. 2 руб.; на 3 мѣс. 1 руб. Деньги адресов. журналу „Попрыгунья-Стрекоза“ Петроградъ, 7-я Рождественская, 30.

РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА, по 7 к. за номеръ, производится у всѣхъ газетчиковъ столицъ и провинціи, на парох. пристаняхъ и въ кіоскахъ

НА ВСѢХЪ СТАНЦІЯХЪ ЖЕЛѢЗНЫХЪ ДОРОГЪ.

Условия подписки
 съ доставкой и
 пересылкой по
 всей Россіи:
 на годъ . 4 р. — к.
 „ 1/2 года 2 „ — „
 „ 1 мѣс. — „ 30 .
 Переѣм адреса 25 к.
 Неприятые рукописи
 не возвращаются.

ВОЙНА

(прежде, теперь и потомъ).

Такса объявлений:
 За строку нонпа-
 рели въ 1 стол-
 бецъ:
 (1/4 шир. стран.)
 впер. текста . 90 к.
 позади „ . 60 „
 Постоянные заказы по
 соглашенію.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 38—1915 г. Главная контора журнала: Петроградъ, 7-я Рождественская, 30. = Май. =

ВЪ ТЮРЬМЪ.

Военный рассказъ АЛЕКСАНДРА РОСЛАВЛЕВА.

Арестанты играли въ три листика. Самодѣль-
 ные, замусоленные карты шлепки ложились при
 удачныхъ ходахъ и звенѣли мѣдяки.

За послѣдніе дни жизнь въ тюремѣ стала со-
 всѣмъ иной,—надзиратели почти не показывались,
 на прогулку не водили и
 даже шаги конвойныхъ
 казались менѣе увѣрен-
 ными.

Неизвѣстно, какимъ
 образомъ, но и сюда за
 эти толстыя хмурья стѣны
 проникали слухи о при-
 ближающихся къ городу
 непріятельскихъ войскахъ,
 и когда гдѣ-нибудь разда-
 вался похожий на вы-
 стрѣлъ звукъ, вся тюрьма
 прислушивалась и ждала.

Къ начальнику тюрьмы
 писались длинныя проше-
 нія о зачисленіи въ дѣй-
 ствующую армію. Отно-
 шеніе къ войнѣ у всѣхъ
 было сосредоточенное.

— Теперь всѣ, братъ,
 душа въ душу живутъ,—
 говорилъ Сережка-Скобка
 и его рѣзко очерченныя
 большія ноздри вырази-
 тельно раздувались.—Это
 такое дѣло, тутъ каждая
 рука легка, а насъ-то надо
 бы на самое горячее
 мѣсто. Въ тюремѣ только
 вшей кормить, а на войнѣ
 матку-правду узнаешь. Да,
 братъ...

Скобка вообще былъ
 очень рѣчистъ, а послѣ
 объявленія войны никому
 слова сказать не давалъ.

Скобка былъ самый
 грамотный и если что-
 либо требовалось отъ на-

чальства, арестанты поручали ему. На этотъ разъ
 онъ стоялъ на колѣняхъ и, положивъ на нары
 листъ бумаги, писалъ отъ камеры прошеніе о томъ,
 чтобы начальникъ тюрьмы разрѣшилъ надзира-
 телю давать камерѣ для прочтенія „Правительствен-
 ный Вѣстникъ“.

— Что больно много? — спросилъ Горбачевъ,
 арестантъ хмурый, низколобий, первый силачъ въ
 тюремѣ.

— Постой, не торопись, — и Скобка, поско-
 нивъ карандашъ, стар-
 тельно вывелъ послѣднюю
 фразу.

— Вотъ — по формѣ.
 Ну, ребята, слушайте...

Скобка присѣлъ на на-
 ры и началъ:

„Его Высокородію го-
 сподину Тюремному На-
 чальнику наша покор-
 нѣйшая просьба. Покорно
 просимъ, Ваше Высоко-
 родіе господинъ Началь-
 никъ, будьте настолько
 милостивы. Мы всѣ гото-
 вы, не щадя живота свое-
 го, послужить за Россію
 и писали въ томъ проше-
 ніи и намъ антиресно
 знать, гдѣ теперь наши
 дерутся и потому просимъ
 Ваше Высокородіе прика-
 жите надзирателю Филип-
 пьеву давать намъ газету
 Правительственный Вѣст-
 никъ, а то мы всѣ въ без-
 покойствѣ насчетъ на-
 шихъ... Уважьте просьбу
 нашу, господинъ началь-
 никъ и мы вашей милости
 никогда не забудемъ. Ар-
 станты шестой камеры.
 Ну какъ ребята. Ладно.“

— Правильно.

— Подписывайтесь.

Арестанты серьезно и
 старательно поставили
 подъ прошеніемъ свои
 имена, за неграмотныхъ
 росписался Горбачевъ.

Во время вступленія нѣмцевъ въ одинъ польскій горо-
 докъ, бѣдная женщина съ дѣтьми побѣжала на кладби-
 ше и, замѣтивъ, что одинъ изъ склеповъ не залертъ, спря-
 талась тамъ съ дѣтьми. Выглянувъ, она увидѣла, какъ
 среди могилъ ползли австрійцы. Отъ страха она звякнула
 калиткой, и австрійцы бросились къ склепу. Увидя женщи-
 ну, австріецъ спросилъ ее — Гдѣ казаки? Въ склепѣ? — Долго
 пришлось увѣрять, что казаковъ нѣтъ. Тогда трое храбре-
 цовъ вошли въ склепъ и нѣсколько разъ ткнувъ штыками
 въ темноту, пошли дальше.

Казачья хитрость.

Казакъ попалъ въ плѣнъ къ пруссакамъ вмѣстѣ съ своей лошадей. Прусскій офицеръ сѣлъ на его лошадь, но та не двинулась съ мѣста. Тогда казакъ попросилъ разрѣшенія показать свое искусство въ ѣздѣ и, вскочивъ сзади офицера, помчался впередъ. Вытащивъ изъ кобуры пруссакъ револьверъ и угрожая имъ, онъ привезъ плѣнника къ своимъ.

Подойдя къ двери, Горбачевъ крикнулъ въ корридоръ черезъ окошечко:

— Надзирателя въ камеру.

Но въ это время съ площади донесло часты-ружейные выстрѣлы. Эхо ихъ рѣзко отдалось на, тюремномъ дворѣ.

Арестанты кинулись къ окнамъ.

По двору куда-то пробѣжалъ еще одинъ надзиратель, но часовой ходилъ все такъ же ровнымъ строгимъ шагомъ.

— Непрiятель, ребята...

— А это изъ орудiя, ей Богу, изъ орудiя.

— Надзирателя!..—разнеслось по корридору, изъ какой-то камеры.

И вся тюрьма разволновалась, гулко зашумѣла...

Выстрѣлы уже не прерывались и сухо, настойчиво щелкали съ разныхъ сторонъ, а гдѣ-то, должно быть, за городомъ, тяжело перекатывался глухой ревъ орудiй.

На полъ посыпались стекла.

Это было такъ неожиданно, что камера на мгновение притихла, но сейчасъ же стало ясно въ чемъ дѣло, въ камеру попалъ осколокъ пули.

Всѣ разомъ метнулись къ двери, въ нее били ногами и по корридору ревомъ неслось:

— Отоприте. Вмѣстѣ будемъ.

Но ни надзирателя, ни конвойнаго не было.

Передъ окошкомъ показалось чернобородое лицо Свишова—арестанта изъ третьей камеры.

— Тяните, братцы, къ себѣ,—распорядился онъ.

Изъ третьей камеры появились еще арестанты.

— Мишка-Глухой у насъ дверь высадилъ.

— Постой я...

Изъ камеры, схватившись за прутья рѣшетки тянули дверь на себя, а изъ корридора били въ нее кирпичами въ то мѣсто, гдѣ былъ вдѣланъ замокъ.

Въ ту минуту, когда она поддалась и распахнулась, на дворѣ зашелкали копыта и зашумѣли голоса.

Человѣкъ сорокъ австрiйскихъ кавалеристовъ торопливо спѣшивались и небольшого роста короткошеей упитанный офицеръ что-то приказывалъ имъ, показывая рукой на окна тюрьмы.

— Перестрѣляли, знать, часовыхъ-то,—предположилъ кто-то.

— Братцы—вдругъ загорѣлся Скобка—живыми не дадимся...

— Пускай попробуютъ. Калупай кирпичи, ребята. Откуда-то въ рукахъ у Горбачева появился желѣзный болтъ и большими кусками посыпалась изъ-подъ его ударовъ со стѣны штукатурка.

— Дверь въ корридоръ завалите. Дверь.

— Ломайте нары.

Изъ нижняго этажа прибѣжало нѣсколько человекъ—оказалось, что тамъ оконная рѣшетка въ одной изъ камеръ выломана и если перелѣзть черезъ стѣну и закрыть снаружи ворота, то солдаты окажутся запертыми. Сейчасъ же для этого было препровождено десять человекъ...

Офицеръ повѣрить...

Офицеръ махалъ бѣлымъ платкомъ и стоявшiй рядомъ съ нимъ какой-то въ солдатскомъ, сложивъ трубой руки, кричалъ:

— Заключенные ведите себя смирно, васъ не тронуть.

— А ты кто такой?—насмѣшливо спросилъ кто-то изъ арестантовъ?

— Это нѣмецъ—съ Лыщицкой—я у него въ саду работалъ.

— Скажи твоему офицеру, что мы арестанты, да не подъ его начальствомъ.

— Сволочь нѣмецкая.

Тотъ что-то растерянно сказалъ офицеру, а потомъ опять обратился къ арестантамъ.

— Если будете сопротивляться—васъ разстрѣляютъ.

Но въ отвѣтъ на это около его ногъ ударился и разсыпался на куски кирпичъ.

Офицеръ scomандовалъ солдатамъ и тѣ взяли ружья на прицѣль.

— Отъ оконъ долой,—упредилъ Скобка. Арестанты быстро попрятались кто-куда.

Залпъ прокатился эхомъ по корридорамъ, опять зазвенѣли стекла и въ нѣсколькихъ мѣстахъ на потолкѣ и на верху противоположной окнамъ стѣнѣ откололась штукатурка.

— Ложись на полъ—распорядился Скобка—до оконъ ползкомъ. Сбоку становитесь, чтобы имъ не видать было.

Полетѣли въ солдатъ изо всѣхъ этажей кирпичи и куски асфальта. Беспорядочная стрѣльба по окнамъ разстроила ихъ ряды. Двое или трое были ранены.

Кое-кто изъ арестантовъ пробрался на чердакъ. Оттуда было удобнѣе бросать и кирпичи попадали мѣтко.

Нѣсколько солдатъ ломали входныя двери. Изъ верхняго окна на нихъ рухнула рѣшетка, а потомъ полетѣли горящія подушки и разныя тряпки.

Въ нижнемъ этажѣ уже никого не оставалось. Баррикадировали лѣстницу и дверь во второмъ.

— Ворота... Урра...

Этотъ торжествующій крикъ грозно пронесся по всѣмъ этажамъ и еще яростнѣе посыпались кирпичи.

Солдаты заметались по двору.

— Вылазку бы сдѣлать, ружья отнять,—суетился какой-то конопатый хилый арестантикъ.

— Теперь ихъ дѣло табакъ...

— Сыпь веселѣй.

Напуганныя лошади храпѣли и становились на дыбы. Офицеръ спрятался въ будку и что-то кричалъ оттуда уже не слушавшимся его солдатамъ.

Съ чердака стали осыпать битыми стеклами. Казалось, тюрьма рушилась и вотъ-вотъ сейчасъ раздавить, похоронить подъ грудами кирпичей нелѣпо и беспомощно суетящихся около двери солдатъ.

Пятьдесятъ человекъ арестантовъ готовились къ вылазкѣ. Вооружились засовами отъ дверей, болтами, а нѣкоторые наворачтѣвъ на желѣзные прутья тряпье, полили его изъ лампъ керосиномъ и зажгли. На случай неудачи, на лѣстницу было перетаскано все, что

только нашлось въ камерахъ, чтобы свалить солдатамъ на головы и не дать имъ ворваться въ тюрьму.

— Главное, всѣ разомъ,—наказывалъ Скобка,—наровите такъ, чтобы двое на одного, а какъ командую назадъ,—живо, кто ружья схватилъ, съ боку держись, прикрывай огнемъ, прикладомъ.

— Что, всѣ готовы?

— Кажись, что всѣ.

— Умирать идемъ, а наша возьметъ, послѣ спасибо скажутъ—и Скобка перекрестился.

Молча, какъ бы двинулись за нимъ по корридору арестанты. Спустившись по лѣстницѣ, они столпились у двери, уже полувыломанной солдатами.

Когда съ криками „ура“ арестанты сѣрой кучей высыпали на дворъ, для солдатъ это было такъ неожиданно, что часть ихъ попряталась за лошадыми, а нѣкоторые разбѣжались по двору.

Нечалась ожесточенная схватка.

Двѣ, три минуты оставшіеся въ тюрьмѣ и на-

блюдавшіе изъ оконъ не могли понять, кто кого одолѣваетъ, но у двери быстро собралось человекъ пятнадцать арестантовъ и почти у всѣхъ были ружья, остальные сбѣгались подъ ихъ защиту...

Солдаты оправились и, спрятавшись у воротъ, стрѣляли изъ-за лошадей. Нѣсколько арестантовъ было убито у самой двери.

Раненый въ бокъ Скобка кое-какъ добрался до камеры и свалился.

Двери во второй этажъ опять были заперты и забаррикадированы.

— И офицера кончили,—торопливо и радостно сообщалъ тотъ конопатый арестантикъ, который первый подаль мысль о вылазкѣ.

— Одиннадцать ружей взяли, да двѣ сабли.

— Только бы ихніе не подошли.

Горбачевъ, держа въ зубахъ одинъ конецъ огъ рубахи рукавомъ перевязывалъ имъ сильно кровоточившую на лѣвой рукѣ рану.

— Патроновъ мало забрали.

— Подождите, ребята, зря не паляте. Кто въ солдатахъ служилъ—тѣ мѣтче.

Когда изъ оконъ засверкали выстрѣлы, солдаты начали было отвѣчать, но послѣ того, какъ у нихъ сразу же вышло четверо, стало ясно, что ихъ можно перестрѣлять по одному и одинъ изъ нихъ высокой съ рыжими усами навязалъ на ружье бѣлый платокъ и поднялъ его надъ собой въ знакъ того, что они сдаются.

Пятеро арестантовъ вышли къ солдатамъ и отобрали у нихъ ружья. Потомъ ихъ заперли въ одну изъ камеръ.

Тюрьма притихла.

Ворота были отворены, казалось, что они были приперты снаружи бревнами и дрогами ломовиковъ, взятыми, съ находившейся по сосѣдству съ тюрьмой лѣсопилки.

Арестанты окружили на дворѣ Горбачева, который допрашивалъ сидѣвшаго на землѣ раненаго въ ногу нѣмца, что былъ при офицерѣ переводчикомъ. Онъ плакалъ и умолялъ о пощадѣ.

— А много ихъ пришло,—допытывался Горбачовъ.

— Не знаю. Вѣрьте моему честному слову, откуда я могу знать.

Онъ прикрывалъ плѣшивую голову руками и униженно кланялся.

Александръ Рославлевъ.

□ □

Нападеніе французскихъ аэроплановъ на цеппелинъ. Рѣдкая моментальная фотографія.

Германскіе стальные щиты, подь прикрытіемъ которыхъ нѣмцы роютъ окопы и стрѣляютъ.

Наполеонъ I о Петрѣ I.

Теперь особенно возросъ интересъ къ исторіи прежнихъ отношеній между двумя великими націями, и въ французской печати постоянно появляются историческія справки, которые доказываютъ, что даже въ періодъ военныхъ столкновеній не потухало взаимное уваженіе между русскими и французами.

Въ этомъ отношеніи особенно характеренъ Наполеонъ I, который въ минуты самой отчаянной борьбы отдавалъ должное своему противнику.

Извѣстно, что съ особеннымъ уваженіемъ Наполеонъ относится къ памяти Петра Великаго.

Вильмэнъ передаетъ одинъ замѣчательный разговоръ Наполеона объ этомъ императорѣ, разговоръ, происходившій въ особенно знаменательной обстановкѣ.

Это было въ Москвѣ, вечеромъ 15-го октября 1812 года, въ залѣ Кремлевскаго дворца, гдѣ императоръ французовъ сидѣлъ, окруженный высшими чинами своей свиты. Разговоръ шелъ въ веселомъ тонѣ. Казалось, Наполеонъ нарочно принималъ непринужденный видъ, стараясь забыть о тоскливыхъ мысляхъ, угнетавшихъ его, стремясь, во что бы то ни стало, развлечься. Громадныя люстры освѣщали залъ, яркій огонь горѣлъ въ огромномъ каминѣ изъ мрамора и золота. Императоръ большими шагами прогуливался по комнатѣ, говоря о блескѣ, который

необходимо поддерживать въ славномъ государствѣ, о политической важности искусствъ и драматическаго искусства въ особенности о французскомъ театрѣ, о королевѣ, Тальма. Кругомъ него все молчало. Явно было, что бремя сомнѣній и безпокойства нависло надъ всѣми, и генералы не въ силахъ были поддерживать бойкій разговоръ, въ которомъ измученный императоръ топилъ свои тяжелыя мысли.

Императоръ коснулся великихъ трагическихъ фактовъ изъ сферы исторіи. Незамѣтно перешелъ онъ на разговоръ о Петрѣ Великомъ и замѣтилъ:

— Какую прекрасную тему для трагедіи можетъ извлечь талантли-

Старинный рыцарскій мечъ въ рукахъ современнаго воина.

вый человекъ, настоящій поэтъ, изъ исторіи Петра Великаго, этого человека, будто высѣченнаго изъ гранита, какъ стѣны Кремля. Вѣдь это онъ основалъ русскую цивилизацію и вліяніе Россіи на Европу, это онъ принудилъ меня, спустя цѣлый вѣкъ, предпринять этотъ страшный походъ! Я не могу не чувствовать изумленія, помышляя, что, вотъ въ этомъ дворцѣ, двадцатилѣтній Петръ, безъ постороннихъ совѣтовъ, почти безъ образованія, лицомъ къ лицу съ властной регентшей и съ старой партіей, всѣмъ завладѣвшей, — вдругъ воспрянулъ, провидя все свое царствованіе, взялъ въ свои руки власть и, замышляя сдѣлать Россію побѣдительницей враговъ, началъ съ того, что истребилъ стрѣльцовъ, которые тогда казались единственной организованной силой государства! Какой примѣръ нравственной мощи! Какъ эффектно было бы увидать на сценѣ этого молодого государя, котораго всѣ считали погруженнымъ въ пустыя забавы, а онъ внезапно устраиваетъ переворотъ, заключаетъ Софію въ монастырь и сразу же принимается за тысячу дѣлъ вмѣстѣ, и за всѣ одинаково энергично: и мирныя реформы, и война въ Польшѣ и Саксоніи, съ Швеціей, и созданіе новой арміи, и новаго флота, и новой столицы русской!

«Геніальная личность Петра особенно ярко сказала въ одномъ пунктѣ, который всѣ проглядели. Историки не замѣтили, что онъ самъ далъ себѣ то, чего недостаетъ самому великому человеку, рожденному на тронѣ: славу выскочки (rags-venu), испытанія, на коихъ эта слава держится. Петръ Великій добровольно пошелъ въ артиллерійскіе капитаны, какимъ и я былъ въ свое время. Это вовсе не было комедіей. Онъ поѣхалъ путешествовать, чтобы на нѣкоторое время освободиться отъ вѣнца, чтобы познакомиться съ жизнью обыкновенныхъ людей и пройти всю лѣстницу отъ рабочаго лома до трона. Онъ самъ далъ себѣ то, что мнѣ дала судьба, и это ставить его внѣ сравненія съ наслѣдственными монархами! Да, а между тѣмъ, какіе удары переносилъ впоследствии этотъ геній! Представьте только себѣ подобнаго человека на берегахъ Прута, во главѣ созданной имъ самимъ арміи, — и вотъ эта армія окружена, доведена до голода, чуть не взята турками! У самыхъ великихъ геніевъ бывали такіе моменты недосмотра. Вѣдь и Цезарь необдуманно вторгся въ Александрію

и долженъ былъ выдержать осаду отъ презрѣнныхъ египтянъ. Но Цезарь потомъ вернулъ свое съ лихвою... И гениальный человекъ всегда найдется—въ несчастіи и въ ошибкѣ»...

Говоря о Россіи, Наполеонъ всегда приходилъ въ восторгъ отъ ея великолѣпнаго положенія со стратегической точки зрѣнія:

— На Россію можно нападать только въ теченіе трехъ или четырехъ мѣсяцевъ, а въ ея распоряженіи цѣлый годъ, чтобы атаковать насъ. Она для нападающихъ приноситъ одни трудности, страданія, лишения, какъ настоящая пустыня, а ея сыны на нашемъ югѣ находятъ одни утѣхи... И при томъ никакъ не отдѣлаешься отъ трепета при одной мысли о такой огромной и компактной массѣ, которую нельзя атаковать ни съ фланговъ, ни съ тыла. Эта масса безнаказанно обрушивается на васъ и все наводняетъ, въ случаѣ побѣды; въ случаѣ же пораженія, она отступаетъ въ нѣдра своихъ льдовъ и выставляетъ передъ врагомъ своихъ страшныхъ союзниковъ — отчаяніе и смерть. И достаточно малѣйшей ошибки противника, какъ изъ снѣжныхъ пустынь на него съ новой, неудержимой силой ринутся массы воиновъ. Не похоже ли это на легендарную гидру, на мифическаго Антея, котораго побѣдить можно было не иначе, какъ поднимая на воздухъ и задушивъ руками. Но гдѣ найти новаго Геркулеса? Лишь мы дерзнули на это, но, слѣдуетъ сознаться, не совсѣмъ ловко принялись мы за дѣло... О, будь я на мѣстѣ русскаго царя, — я бы все сломилъ, я бы, какъ по расписанію, прошелъ отъ Москвы до Калѣ и сталъ бы властелиномъ и вершителемъ судебъ всей Европы!..

Французскіе стрѣлки приближаются ползкомъ къ германскому окопу, катя передъ собой мѣшки съ землей.

КОНТРИБУЦІЯ ВЪ 5 МИЛЛІАРДОВЪ.

Вотъ, любопытный фактъ, касающійся уплаты пяти миллиардовъ контрибуціи, которую Германія взяла съ Франціи за войну 1870—71 г.

Вся эта громадная финансовая операція чуть-чуть не рухнула, вслѣдствіе ничтожнѣйшаго обстоятельства, которое какъ-то никто и не предусмотрѣлъ заранѣе.

Дѣло въ томъ, что въ концѣ 1871 года Жюль Фавръ и министръ финансовъ Пуйэ-Кертъе, пріѣхавъ въ Версаль, внезапно заявили Бисмарку, что Франція не можетъ выполнить договоренныхъ условій платежа контрибуціи: въ странѣ не нашлось нужнаго числа полотняныхъ мѣшковъ для монеты.

— Деньги приготовлены, — говорили они, — но мы можемъ ихъ отправить не иначе, какъ открыто, не запакованными.

— Я доставлю вамъ полотна, — сказалъ Бисмаркъ, и тотчасъ распорядился, чтобы изъ Берлина доставили партію мѣшечнаго полотна.

— Прекрасно-съ, — сказалъ на это Пуйэ-Кертъе, — но это еще не все. Французскій банкъ обычно взимаетъ по 75 сантимовъ съ каждого отправляемаго имъ мѣшка съ деньгами. Какъ тутъ быть? Кто заплатить?

— Мы уплатимъ по 75 сантимовъ съ каждого мѣшка, — рѣшилъ Бисмаркъ.

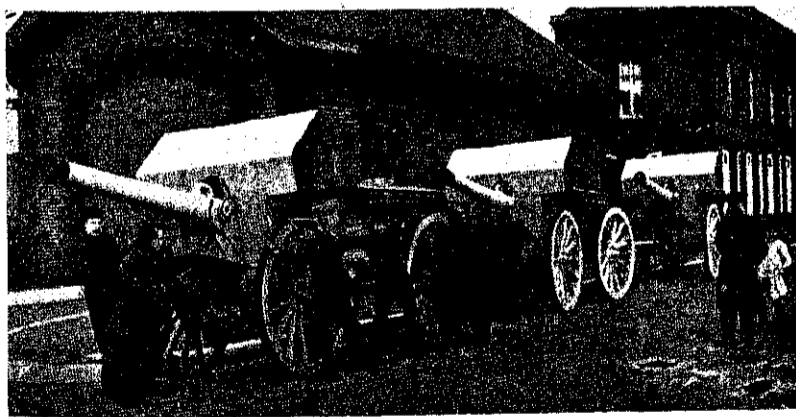
Когда послѣдній мѣшокъ денегъ былъ доставленъ въ Берлинъ, при немъ оказался счетъ банка въ 23.500 франковъ, которые слѣдовало уплатить въ экспедиціи мѣшковъ.

Контрольная палата въ Берлинѣ сначала заупрямилась, но Бисмаркъ вступился и по счету было уплачено сполна.

Такъ какъ пересчитать содержимое мѣшковъ не было возможности — для этого понадобился бы цѣлый специальный штатъ служащихъ, — то ихъ провѣряли взвѣшиваніемъ.

И когда провѣрка окончилась, нѣмцы убѣдились въ совершенной точности суммы: ни одного франка не было недодано.

Но зато въ числѣ бумажныхъ денегъ вдругъ открыли фальшивый билетъ въ 100 талеровъ.

Англійскія орудія перевезенныя изъ Англіи во Францію.

ОТКРЫТЫЯ ПИСЬМА.

1. Вильгельму.

Не хотите ль въ мечтахъ о мирѣ
Путеводитель по Сибири?

Бисмаркъ узналъ объ этомъ, осмотрѣлъ бумажку, убѣдился, что она поддѣлана великолѣпно, и рѣшилъ, что будетъ сохранять ее у себя въ архивѣ на память.

Такъ этотъ билетъ до сихъ поръ и сохраняется въ его архивѣ.

Эта ассигнація имѣетъ одну забавную особенность.

На томъ мѣстѣ, гдѣ обычно печатается текстъ закона, карающаго за поддѣлку кредитныхъ билетовъ, парижскій граверъ, поддѣлавшій клише ассигнаціи, выгравировалъ слова:

«Французская республика платитъ десять миллионѣвъ тому, кто выдастъ парижскимъ властямъ Вильгельма или Бисмарка».

ОСАДА КОНСТАНТИНОПОЛЯ ВЪ 15-МЪ ВѢКѢ.

Въ 1453 году Магомету II пришлось потратить пятьдесятъ три дня на осаду Константинополя.

Въ то время тоже существовала тяжелая артиллерія, правда, довольно своеобразная. У турокъ, напримеръ, была изобрѣтенная какимъ-то венгромъ «чудовищная» пушка, стрѣлявшая на разстояніе 700 са-

2. Султану.

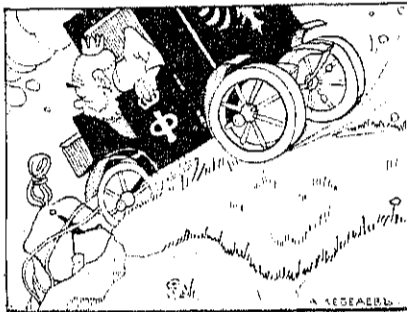
При этакой оказіи
Кофейню въ Малой Азіи.

женъ и выбрасывавшая ядра вѣсомъ въ 600 фунтовъ.

Для того, чтобы зарядить эту пушку, требовалось два часа.

Пятьдесятъ воловъ подвезли ее къ Константинополю. Гулъ отъ перваго выстрѣла былъ таковъ, что населеніе города въ ужасѣ пряталось по церквамъ.

Но гигантская пушка дѣлала больше шума, чѣмъ вреда. Выстрѣливъ нѣсколько разъ, она взорвалась, убивъ стоящаго подлѣ нея и любовавшася ею изобрѣтателя.

3. Францу.

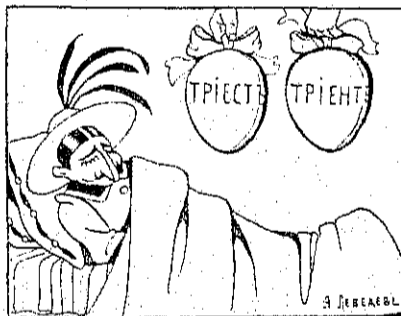
Карету —
Въ «Лету»!..

В О Й Н А И М И Р Ъ

въ афоризмахъ.

Война — укрѣпляющее леченіе
человѣчества, леченіе желѣзомъ.

Ж. Поль.

4. Итальянцу.

Возьмите же мгновеннымъ жестомъ
Триентъ съ Триестомъ.

Положенія, въ которыхъ сталкиваются противоположности, всегда интересны и поучительны. Но гдѣ можно наблюдать такое столкновение, какъ не на войнѣ, гдѣ влеченіе и долгъ, долгъ человѣка и гражданина находятся въ вѣчномъ спорѣ другъ съ другомъ?

В. Гумбольдтъ.

Господь свой миръ даетъ тому, кто мечъ

На брань такую праведную поднимать.
Шекспиръ, Король Джонъ.

* * *

Война, подобно времени и пространству, подобно прекрасному, справедливому и полезному, является формой нашего разума, закономъ нашей души, условіемъ нашего существованія.

Прудонъ, Война и миръ.

* * *

Война существуетъ среди народовъ, какъ она существуетъ во всей природѣ и въ сердцѣ человѣка.

Прудонъ, Война и миръ.

* * * * *

Войну со всѣми ея бѣдствіями нужно все-таки предпочесть миру, въ которомъ мы видимъ только насилие и несправедливость.

Питтъ, Парламентскія рѣчи.

* * *

5. Румыну.

Во избѣжаніе ошибки

Шлемъ струны новыя для скрипки!

Война противъ чужеземнаго нападающаго войска имѣетъ всегда то преимущество, что прекращаетъ всѣ внутреннія распри и соединяетъ гражданъ противъ общаго врага.

Наполеонъ III, Юлій Цезарь.

* * *

Какъ бы ужасна ни была война, она всегда свидѣтельствуетъ о духовномъ величій человѣка, который рѣшается бороться со своимъ злѣйшимъ врагомъ — со смертію.

Гейне, Путевыя картинки.

* * *

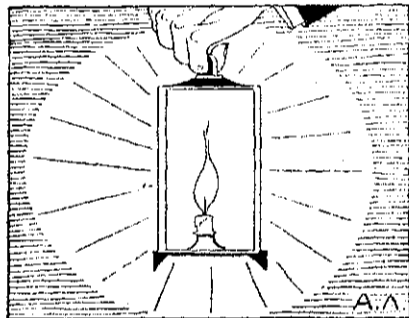
Пускай отцовъ священный прахъ
Огонь зажжетъ у васъ въ сердцахъ.
Пусть увеличитъ вождь безстраш-
ный

Именъ великихъ рядъ прекрасный—
Въ борьбѣ неравной пораженъ,

Безсмертье ихъ раздѣлитъ онъ.
И задрожитъ тиранъ надменный;
Герой свой помысль сокровенный
Въ сынахъ сумѣетъ заронить;
Они не согласятся жить
Въ позорномъ рабствѣ, и святая
Борьба, однажды начатая,
Хоть затихаетъ иногда,—
Побѣдой кончится всегда.
Байронъ, Гяуръ (пер. Ильина).

* * *

Самая лучшая смерть — смерть юности на полѣ битвы. Тысячи родителей, братьевъ и сестеръ, жень и невѣсты прольютъ еще разъ слезы при этихъ словахъ, потому что слезы любящихъ текутъ дальше, чѣмъ кровь ихъ возлюбленныхъ, потому что они не могутъ забыть, какія благородныя, пламенные, невинныя сердца перестали биться на ихъ груди и лежатъ въ большой могилѣ вмѣстѣ съ другими мертвыми сердцами, безвѣстные, разбросанные. Лейте слезы еще и еще разъ, но когда онѣ высохнутъ, посмотрите мужественнѣе и свѣтлѣе вслѣдъ

6. Нейтральнымъ вообще!
Вамъ шлепъ всѣмъ вмѣстѣ!
Фонарь для отысканья чести,

борцамъ, посмотрите, какъ они пали или — вѣрнѣе — поднялись. Отецъ, мать, вспомните вашего юношу передъ смертью; жизнь не наградила его еще лихорадкой тюрьмы, онъ не обезсилень еще и не дрожитъ, онъ радостно простился со своими, полный силъ и надеждъ; незнакомый съ грустной усталостью и пресыщеніемъ умирающаго, онъ со смѣлой душой бросается въ горячій бой, въ смертный бой — вокругъ него встаетъ надежда — всеобщій пламенный подъемъ чести опьяняетъ и уноситъ его — глазъ его направленъ на врага, въ сердцѣ его живетъ отечество.

Ж. Поль, Осенніе цвѣты.

Нѣмецъ съ протянутой рукой.

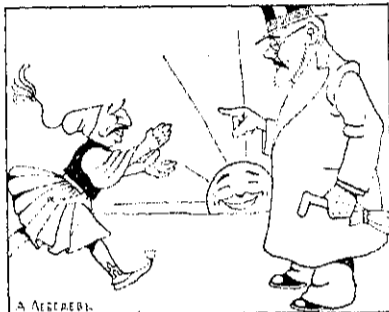
Мэръ Брюсселя г. Максъ прилагаетъ всѣ усилія, чтобы населеніе бельгійской столицы вело себя спокойно и не чувствовало слишкомъ остро того невыносимаго гнета, который нависъ надъ городомъ.

Германскія власти оцѣнили его стараніе.

Командантъ ген. фонъ-Арнимъ благодарилъ мэра и хотѣлъ пожать ему руку.

— Г. Максъ съ достоинствомъ отказался.

— Извините меня, генераль, — заявилъ онъ, — но я не могу подать вамъ руку.

7. Греку.

Совѣтуемъ вамъ многократно
Звать Венизелоса обратно!

Генераль Радко-Дмитріевъ и наши солдаты.

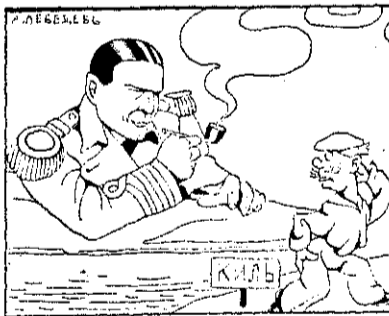
Генераль Радко Дмитріевъ восхищается русскими солдатами.

— Это, — говоритъ онъ, — титаны! Съ такими войсками я пойду на самого страшнаго врага. Болгары — только ученики русскихъ.

Это говоритъ герой Лозенграда.

Съ своей стороны солдаты обожаютъ „своего“ генерала.

— Радко-Дмитріевъ, — продолжаетъ депутатъ, — постоянно впереди, рядомъ

8. Германскому флоту.

Не хотите
Сара Битти?

съ солдатомъ. Часто случалось, что выходилъ за цѣль и вель впередъ войска. Его „впередъ“ электризуетъ войска. Онъ любитъ солдата и заботится о немъ.

Подъ М. ген. Дмитріевъ такъ вель бой, что наши потери не только были ничтожны, но войска ничуть не утомились.

ОТКРЫТЫЯ ПИСЬМА.

9. Болгарскому.

Сложивши деньги въ кучки
Умойте ручки!

Въ походѣ ген. Дмитріевъ ведетъ жизнь простаго солдата.

Подъ Г. ему приходилось все время спать на мокрой соломѣ.

Обозъ былъ далеко.

Питаться приходилось Богъ знаетъ чѣмъ.

Удалось за четыре дня разъ съ трудомъ раздобыть молоко для генерала. Экономный командиръ, онъ тратитъ силы экономно.

— Въ Болгаріи, — улыбаясь объясняетъ генераль, — мнѣ приходилось во время минувшей войны особенно соблюдать экономію!

Этотъ опытъ сказывается во всемъ. Такъ, на пути мы встрѣтили полуразрушенную мельницу.

На нее сейчасъ же ген. Дмитріевъ обращаетъ вниманіе.

И мельница приводится въ порядокъ и начинаетъ молоть зерно.

Это у него получается „между прочимъ“...

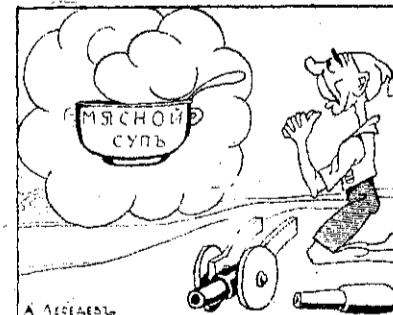
Австрійскій пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ.

Интересный случай рассказываетъ одинъ изъ раненыхъ офицеровъ.

Лишь поздно ночью стихъ продолжавшійся весь день бой въ долинѣ.

Ночь была прекрасна: луна освѣщала красивую холмистую мѣстность, манилъ къ себѣ близлежащій лѣсъ, — тишина была такъ отраднa послѣ цѣлаго ряда кровопролитныхъ, упорныхъ боевъ...

Какъ бы боясь нарушить прекрасную тишину волшебной ночи, солдаты почти не разговаривали между собою,

10. Нѣмецкому народу.

Желаемъ вамъ поменьше Круппа
Ну и побольше супа!

Эпизодъ изъ войны 1813 года.

лишь изрѣдка переговариваясь шепотомъ о впечатлѣннѣхъ минувшаго боя.

Прошло около часа.

Я уже началъ засыпать, какъ вдругъ воздухъ прорѣзалъ дикій крикъ, исходившій, повидимому, изъ лѣса, а затѣмъ послышалось пѣніе.

Всѣ повскакали съ мѣстъ—такъ необычно было слышать пѣсню тамъ, гдѣ ручьями льется кровь.

Пѣніе продолжалось.

Голосъ былъ мужской, — грудной, красивый, сильный.

Только пѣль онъ что-то несурзающее.

То стройно лились знакомыя, мощныя аріи, то вдругъ слышенъ былъ веселый мотивъ, то грохоталъ дикій, какой-то лающей смѣхъ.

Солдаты долго слушали.

Наконецъ двое поднялись, подошли ко мнѣ и попросили разрѣшенія «пойти, поглядѣть на его».

Я разрѣшилъ.

Солдаты ушли.

Пѣвецъ не умолкалъ.

Прошло минутъ 15.

Вдругъ голосъ смолкъ, наступила полная тишина, но черезъ нѣсколько минутъ пѣніе и дикій смѣхъ послышались снова.

Я не вытерпѣлъ—пошелъ также къ лѣсу.

Скоро я увидѣлъ картину, забыть которую я не смогу никогда.

У ствола дерева, обнявъ его руками, стоялъ человекъ въ изорванномъ платьѣ австрійскаго офицера.

Обративъ красивое, бритое, какъ у актера, лицо къ свѣтившей съ неба лунѣ, онъ пѣлъ...

Крупныя слезы катились изъ его глазъ, не переставая.

Мои солдаты стояли невдалекѣ и тихо шептались между собой.

Пѣвецъ, какъ бы незамѣчалъ насъ.

Сильно жестикурируя и заливаясь горячими слезами, онъ пѣлъ безсвязными словами, посылая небу жалобы на какое-то, повидимому, громадное горе.

Мы подошли ближе, совсѣмъ вплотную.

Пѣвецъ умолкъ на секунду, оставившись на насъ громадными, страдальческими глазами.

Затѣмъ, онъ снова запѣлъ—не было

сомнѣній—передъ нами стоялъ сумасшедшій.

— Я Тангейзеръ.—разобралъ я изъ его безсвязнаго пѣнія,—моей Елизаветы мнѣ не вернуть...—Это имя онъ повторялъ много разъ.

Мы пробовали его увести изъ лѣсу, но онъ злобно рычалъ на насъ, даже началъ кусаться.

Пришлось уйти.

Долго еще слышно было кошмарное пѣніе.

Скоро оно начало утихать... Тангейзеръ удалялся.

Типы Константинополя.
Уличный продавецъ фруктовъ.

Недавніе враги.

Среди доставленныхъ въ черкасскій лазаретъ плѣнныхъ оказался тяжело раненый австрійскій офицеръ-еврей.

Раненый въ бою подъ Львовомъ онъ лежалъ на полѣ брани и стоналъ.

На его стоны откликнулся лежавшій неподалеку раненый русскій солдатъ. Онъ подползъ къ австрійцу и подаль ему свою фляжку съ водой. Преодолевая собственную боль, солдатикъ пытался бинтомъ изъ рукава своей рубашки перевязать рану врагу.

Когда подошли санитары, солдатикъ потребовалъ, чтобы раньше была оказана помощь австрійцу.

На-дняхъ этотъ австрійскій офицеръ, почувствовавъ приближеніе смерти, попросилъ сестру милосердія пригласить къ нему раввина.

Когда послѣдній явился, офицеръ вручилъ ему двѣсти рублей въ пользу раненыхъ.

Умирающій просилъ похоронить его по еврейскому обряду и сообщить телеграфно женѣ объ его смерти.

ПУЛЬСЪ НАПОЛЕОНА.

У Наполеона I, былъ необычайно рѣдкій пульсъ: 45—48 ударовъ въ минуту. Сильное волненіе у него не поднимало, а подавляло пульсъ. Въ знаменитой «битвѣ народовъ» подъ Лейпцигомъ, когда ему донесли о неблагопріятномъ для него исходѣ боя, онъ подернулся дрожью — весь, съ ногъ до головы. Въ эту минуту онъ со своимъ штабомъ стоялъ на возвышенномъ пунктѣ, съ котораго было видно поле битвы, и видно было, какъ пламя объяло пригороды Лейпцига. Наполеонъ медленно вытянулъ руку по направленію пожара и глухимъ голосомъ произнесъ: «Все напрасно!» Потомъ приказалъ подвести коня и сѣлъ на него. Въ это время, по словамъ Эрвье, все время бывшаго около него, его вновь проняла дрожь съ головы до ногъ,—дрожь, которую явно видѣли всѣ окружающіе. Встревоженный Эрвье попросилъ у него позволенія пощупать пульсъ. Наполеонъ съ слабою улыбкою протянулъ ему руку и сказалъ: «Я думаю, что пульсъ у меня такой, какъ всегда. Но онъ ошибался: пульсъ у него явно упалъ. Эрвье насчиталъ всего 39 ударовъ въ минуту.

Безъ вѣсти пропавшій.

Рассказъ А. С. Гриня.

Прошло около мѣсяца, какъ Нина Ивановна Лопухина не получала отъ мужа писемъ. Страшное безпокойство овладѣло бѣдной женщиной. Ни днемъ, ни ночью не знала она покоя, все ей чудился холодный трупъ мужа, съ стекляннымъ взглядомъ невидящихъ очей. Иногда ей хотѣлось вѣрить, что все благополучно и письмо, наконецъ, получится, но проходили дни за днями, а все не получалось желаннаго утѣшенія.

Знакомые посовѣтовали Нинѣ Ивановнѣ подать справку въ надлежащее учрежденіе; она скрѣпя сердце, сдѣлала, наконецъ, это. Черезъ недѣлю ей дали отвѣтъ, который еще болѣе разстроилъ ее: на справочной карточкѣ было написано, что ни въ строю, ни въ раненыхъ, ни въ убитыхъ Петръ Лопухинъ не числится. Это означало, что чело-вѣкъ пропалъ безъ вѣсти.

Нина Ивановна выплакала глаза. Всевозможныя картины рисовались ея разстроенному воображенію. Чаше всего, почему то представлялось ей, что мужъ лежитъ съ прострѣленной головой въ оврагѣ, до верку занесенномъ снѣгомъ. Тогда она вздрагивала и крестилась.

Прошли сентябрь, октябрь и всѣ мѣсяцы до марта тысяча девятьсотъ пятнадцатаго года. Нина Ивановна начала уже какъ бы свыкаться со своимъ горемъ—пристальнѣ занялась дѣтьми, поступила въ мѣстный лазаретъ, ухаживать за ранеными въ свободное время... Томительно тянулись часы, дни, недѣли...

Какъ вдругъ, около девяти часовъ вечера, въ началѣ марта, раздался громкій звонокъ. Недоумѣвая, кто бы это могъ быть, пошла Нина Ивановна въ переднюю, гдѣ кухарка, снявъ крюкъ, стояла уже съ блѣднымъ лицомъ, смотря на бородатаго чело-вѣка въ шинели.

Это былъ Лопухинъ. Безъ руки, больной, изможденный, обросшій бородой, но живой и радостный.

Трудно описать эту встрѣчу. Когда кончились первыя объятія, восклицанія и обсохли немного слезы радости, Лопухинъ сталъ рассказывать.

— „Видишь, Нина“, — началъ онъ, вертя одной рукой папироску, — я былъ тяжело раненъ и упалъ безъ сознанія на берегу рѣки, въ ка-

Наборъ рекрутовъ въ «Старой Англии» сто лѣтъ тому назадъ.

мышѣ. Когда я очнулся, то увидѣлъ себя лежащимъ въ тѣсной, подземной пещерѣ, приспособленной для житья по извѣстному крестьянскому обиходу. Какъ оказалось, въ лѣсу около рѣки жило нѣсколько крестьянскихъ семействъ, выгнанныхъ изъ своей деревни пруссаками. Они вырыли себѣ въ этомъ лѣсу глухія землянки и жили въ нихъ. Послѣ сраженія я остался одинъ лежать неподобаннымъ въ глухомъ камышѣ, а нѣсколько мужиковъ случайно замѣтили меня и перетаскили къ себѣ въ землянку.

Я долго лежалъ въ бреду, къ тому же, меня хватилъ ревматизмъ и, оправившись отъ раны, я долго не могъ еще двигаться изъ-за распухшихъ отъ простуды ногъ. Тѣмъ временемъ линія обложенія нѣмцевъ продвинулась нѣсколько впередъ и я оказался, такимъ образомъ, отрезаннымъ отъ нашей арміи. Приходилось сидѣть въ землянкѣ и ждать.

Но вотъ, недавно, взяла меня такая тоска по тебѣ и товарищамъ, что я, не обращая вниманія на предупрежденія моихъ хозяевъ, одной прекрасной ночью рѣшился пуститься на рискъ и пробраться къ своимъ, и ушелъ изъ землянки, захвативъ свое ружье. Долго шель я лѣсными тропами, пока не приблизился къ линіи пруссаковъ; здѣсь мнѣ приходилось осторожно лавировать между развѣдочными отрядами и, почти я считалъ уже себя въ безопасности, какъ нѣмецкая пуля прострѣлила мою лѣвую руку.

Тутъ меня случайно выручили наши казаки.

Еще пролежалъ мѣсяцъ въ лазаретѣ и теперь я—твой!

А. С. Гринь.

МЫСЛИ НАПОЛЕОНА.

Франція неистощима. Я имѣлъ доказательство этого послѣ войны съ Россіей въ 1815 году. Разите землю—изъ нея выходятъ сокровища и арміи. Такая страна не будетъ никогда порабощена, ни раздроблена.

Со смѣлостью можно все предпринять, но нельзя все сдѣлать.

Я предпочитаю силу разсужденія краснорѣчію; вещи стоятъ больше словъ.

Я люблю грандіозное въ искусствѣ. Середины нѣтъ; нужно быть великимъ или ничтожнымъ.

Самое вѣрное средство остаться бѣднымъ—быть честнымъ чело-вѣкомъ.

Тѣ люди, которые ищутъ счастья въ блескѣ, пышности и разсѣянной жизни, походятъ на людей, предпочитающихъ свѣтъ свѣчей свѣту солнца.

МАЛЕНЬКІЕ ЛЮДОУДЫ.

Гордая нѣмецкая бабушка въ письмѣ въ Америку пишетъ буквально слѣдующее:

«Рольфу теперь четыре года, а Руфи — два... И какъ забавно слышать ихъ разсужденія о войнѣ.

Они цѣлыми днями играютъ въ войну: сдѣлали себѣ деревянныя ружья и крѣпости изъ песка.

Оба говорятъ, что хотѣли бы съѣсть англичанина»...

ПУЛЕМЕТЪ.

Гдѣ кронпринцъ.

Весь Берлинъ безъ исключенья.
Въ превеликомъ возбужденъи
Тараторить и шумить...
И у каждой Каролины,
Въ силу нѣкоей причины,
Очень грустный, нынче, видъ.
Генералы, адъютанты,
Корпоранты, лейтенанты,
Юнкера, профессора,—
Въ настроеніи тоскливомъ,—
Запиваютъ горе пивомъ.
Отъ утра и до утра.
Выпивъ 23-ью кружку,
Бьютъ по черепу другъ дружку,
Разсуждая межъ собой:
— Гдѣ кронпринцъ ихъ благород-

ный,

Достославный, всенородный,
Всей Германіи „герой“?!
Самъ Вильгельмъ, всгрустнувъ
немножко

Смотритъ день и ночь въ окошко,
Что выходитъ на Востокъ,
И кричитъ, весьма разстроень:—
„Гдѣ ты, гдѣ мой храбрый воинъ,
„Гдѣ ты, гдѣ ты, мой сынокъ?
„О, возлюбленное чадо,
„Старыхъ дней моихъ отрада,
„И куда-жъ ты улетѣлъ?
„Можетъ быть, въ бою контужень,—

„Казакъ попалъ на ужинъ?
„И тебя казакъ тотъ... съѣлъ?!“
Въ это время, вдругъ въ окошко,
Кто-то прыгнулъ, словно кошка,
И, пощупавши синякъ,
Для начала,—по привычкѣ,
Вытеръ тряпочкой отмычки,
А затѣмъ промолвилъ такъ:
— „Успокойтесь вы, палахень,
„Не волнуйтесь вы, мамахень,
„Я слегка лишь пострадалъ...
„Только докторъ мнѣ не нуженъ,
„Я—не ранень, не контужень,—
„Просто... въ форточкѣ застрялъ?..
Бумъ и комп.

Разскажите вы ей..

Берлинскія газеты
предлагаютъ сажать на
балконахъ вмѣсто цвѣ-
товъ салатъ томаты и др.
овощи.

Чуднымъ запахомъ шпината
Напоень ея балконъ.
Я принесъ букетъ салата
Ей, въ которую влюбленъ.
Выйди-жъ, выйди жъ, дѣва-
крошка,
Успокой мнѣ въ сердцѣ кровь,
Ароматная картошка,
Лучезарная морковь.

Внемли страстно-нѣжнымъ вздо-
хамъ,
Появись предъ молодцомъ—
Экзотическимъ горохомъ,
Малосольнымъ огурцомъ.

О, раскрой балкона стекла.
Лаской тихою согрѣй,
Свѣтло-радостная свекла,
Нѣжно-грустный сельдерей.
Никого!.. Ужель тамъ пусто?
Иль богини дома нѣтъ?
О, гдѣ ты, моя капуста,
Олимпийскій винегретъ?
Нѣжнымъ запахомъ шпината
Напоень ея балконъ.
Сѣмъ я самъ букетъ салата,
Самъ, голодный какъ драконъ...
Евг. Вѣнскій.

Одинъ изъ рѣдчайшихъ портретовъ
Императора Александра I-го.

Историческіе анекдоты.

СОВѢТЪ ЦЕЗАРЯ.

Кто-то изъ воиновъ однажды
такъ нехорошо себя велъ во время
похода, что римскій цезарь Августъ
на него разгнѣвался и приказалъ ему
вернуться домой.

Провинившійся пришелъ въ
ужасъ и сталъ молить о прощеніи.
— «Что я скажу своимъ, чѣмъ
оправдаю свое возвращеніе домой».

— «Скажи, что ты остался мною
недоволенъ», — посоветовалъ ему
Августъ.

ЦЕЗАРЬ-ЗАЩИТНИКЪ.

Какого-то стараго отставнаго
воина за что-то тянули къ суду и
онъ умолялъ Августа помочь ему.

Цезарь назначилъ ему искуснаго
защитника.

Но старый солдатъ замѣтилъ,
что когда надо было защищать це-
заря, то онъ самолично шель въ
бой, а никого не посылалъ вмѣсто
себя.

Августъ такъ убоился показатъ-
ся неблагодарнымъ, что принялъ на
себя лично защиту своего стараго
служаки на судѣ.

НИ ОДНОЙ.

Генрихъ VIII (англійскій) поссо-
рился съ французскимъ королемъ
Францискомъ I и рѣшилъ отправить
къ нему чрезвычайнаго посла, кото-
рый долженъ былъ передать Фран-
циску чрезвычайно гордыя и грозныя
слова своего повелителя.

Для этого надо было выбрать че-
ловѣка очень смѣлаго, рѣшительна-
го, способнаго открыто рисковать
своею свободою и даже жизнью.

Выборъ Генриха палъ на еписко-
па Бопнера, котораго онъ зналъ за
человѣка не робкаго десятка, и при-
томъ такого, на котораго можно
смѣло положиться.

Когда епископъ выслушалъ отъ
короля все, что долженъ былъ ска-
зать Франциску, онъ замѣтилъ, что
говорить такія рѣчи такому королю,
какъ Францискъ,—вещь въ высшей
степени рискованная.

— «Вамъ бояться нечего,—ус-
покойте его Генрихъ,—если фран-
цузскій король предастъ васъ смер-
ти, я снесу немало французскихъ го-
ловъ, которыя находятся у меня въ
Англии въ полной моей власти».

— «Это такъ, государь, — воз-
разилъ Бопнеръ, — но дѣло то въ
томъ, что вѣдь изъ всѣхъ этихъ
французскихъ головъ не отыщется
ни одной, которая была бы столь же
хороша пригнана къ моимъ пле-
чамъ, какъ моя собственная».

ЗЕРКАЛО ВОЙНЫ 1914—1915 г.

Нѣмецкая гнусность восторженно описанная нѣмецкой газетой.

Оберъ-лейтенантъ фонъ-Негелейнъ получилъ приказаніе напасть на казачій патруль, находившійся въ Восточной Пруссіи.

Не имѣя возможности вступить съ ними въ открытый бой, этотъ офицеръ прибѣгъ къ тому, что онъ называетъ «маленькой хитростью».

«Двадцать пѣхотинцевъ изъ мѣстечка Каміонкенъ были рассажены на двѣ большіе подводы, запряженныя, каждая четырьмя лошадьми.

Подводы были приведены въ такой видъ, что возбуждали представленіе о веревозкѣ домашняго скарба.

На нихъ были наложены кровати, столъ и разная рухлядь.

Солдаты же были переодѣты въ ту одежду, которую носятъ мѣстные крестьяне.

Правиль одной изъ подводъ фельдфебель Шмидтъ, превращенный въ восточно-прусскаго бѣглеца, а другой—ефрейторъ Мейеръ, на котораго надѣли женскую юбку и байковый платокъ».

Вся эта компанія прибыла въ мѣстечко Парчъ, не возбуждая никакихъ подозрѣній.

Затѣмъ, они ухитрились занять выгодную позицію и въ результатѣ 17 казачковъ остались на мѣстѣ.

Если принять во вниманіе, что основнымъ правиломъ современнаго веденія войны считается участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ такихъ солдатъ, которые носятъ установленную для нихъ форму, и что къ маскарадамъ прибѣгаютъ только шпионы,—то можно себѣ представить такое возмущеніе должны вызвать подобные приемы въ нашихъ войскахъ.

Ношеніе формы не является капризомъ или прихотью: только благодаря тому, что форма проводитъ границу между солдатами и мирнымъ населеніемъ, это послѣднее и пользуется неприкосновенностью.

Если же въ ѣдущемъ на телѣгѣ со скарбомъ «бѣглець» можно предполагать переодѣтаго фельдфебеля Шмидта, то этотъ фактъ можетъ вызвать въ отношеніи мирнаго населенія такіа мѣры, о которыхъ пожалѣютъ прежде всего сами прусскія хитрецы.

Русскій „германецъ“.

Въ одномъ вагонѣ слышится хохотъ. Публика разглядѣла „русскаго германца“.

Среди вагона въ формѣ германскаго солдата стоитъ русскій солдатикъ, и, покатываясь со смѣху, рассказываетъ свои приключенія.

Русскіе стояли на бивуакѣ.

Было ихъ немного.

Вдругъ, наскочила германская кавалерія.

Завязался бой.

На полѣ сраженія осталось много раненныхъ.

Подбирая своихъ раненныхъ, германцы подобрали и нѣсколько рус-

скихъ, которыхъ помѣстили въ своемъ госпиталѣ.

Дѣло происходило около небольшого города на германской территоріи.

Черезъ нѣкоторое время пришли русскія войска.

Германцы, спасаясь, стали убѣгать кто-куда.

Въ суматохѣ не взяли изъ госпиталя ни своихъ ни плѣнныхъ.

Явившіеся русскія освободили своихъ и забрали германцевъ, при этомъ нашъ солдатъ, въ суматохѣ, вмѣсто своей, схватилъ первую попавшуюся подъ руки германскую шинель и шапку и выбѣжалъ изъ госпиталя.

Такъ въ формѣ германскаго солдата онъ и ѣдетъ.

Раненные произвели его „русскимъ нѣмцемъ“, а онъ, смѣясь рассказываетъ, какъ германцы поили его кофе со сливками и все спрашивали—много ли у насъ убитыхъ и раненныхъ, гдѣ наши главныя силы и т. д.

Ворона съ мѣста—соколъ на мѣсто.

Участникъ послѣднихъ боевъ на прусскомъ фронтѣ, офицеръ А., передаетъ объ одномъ интересномъ эпизодѣ.

«Передъ нашимъ фронтомъ, рассказываетъ онъ, находился широкій ровъ.

Позади рва—дерево, на которое ежедневно взбирался нѣмецкій офицеръ, обстрѣливавшій нашихъ неосторожныхъ развѣдчиковъ и разсматриваній въ бинокль расположеніе нашихъ войскъ.

Командиръ полка отдалъ приказъ, во что бы то ни стало «снять» нѣмецкаго офицера.

Вызвался я съ товарищемъ и шестью рядовыми.

Подобрались.

Начали обстрѣль.

Мѣткой пулей „сняли“ нѣмца.

Я взобрался на дерево, запасшись первоначально биноклемъ и бумагой, и зарисовалъ характеръ неприятельскихъ траншей и укрѣпленій.

Подъ вечеръ къ дереву подползаетъ нѣмецкій солдатъ и громко шепчетъ: „господинъ лейтенантъ, поскорѣе спускайтесь, наша дивизія обстрѣляна и готовится къ отступленію“.

Я сразу понялъ, въ чемъ дѣло: нѣмцы не подозрѣвая, что ихъ развѣдчикъ убить, приняли меня за него.

Этого мнѣ только и нужно было.

Я быстро вернулся и доложилъ нашимъ, что нѣмцы готовятся къ отступленію.

Варварства нѣмцевъ надъ... нѣмцами.

Подъ Сольдау, въ лѣсу, засѣла наша кавалерійская дивизія. Нѣмецкіе развѣдчики разспросили мирныхъ жителей:

Изъ войнъ средневѣковья.
Пажь-оруженосецъ въ боевыхъ доспѣхахъ.

— Были тутъ русскіе?
— Не были,—отвѣтили нѣмцы.
— Нѣтъ-ли ихъ вблизи?
— Нѣтъ!.. Нигдѣ не видѣли!..

Получивъ такіа успокоительныя свѣдѣнія, нѣмецкая пѣхота переправилась черезъ рѣку и смѣло пошла впередъ. Но только подошли нѣмцы къ лѣсу, какъ вся наша кавалерія ударила противъ неприятеля.

Неприятель, смятый съ фланга, быстро сталъ отступать.

Отступленіе его на этотъ разъ было равносильно паническому бѣгству.

Сдѣлавъ свое дѣло, кавалерія наша отступила.

Тогда осторожно, крадучись, прискакалъ нѣмецкій развѣздъ, и начался судъ надъ мирными нѣмцами.

Позвали старика Дреера.

— Ты это говоришь,—стали допрашивать его нѣмецкіе драгуны,—что русскихъ тутъ не было?

— Я!..

— А какъ же это ты смѣлъ сдѣлать?

— Я не зналъ!..

— Ты не зналъ?.. Ты зналъ, но ты молчалъ!.. Ты былъ подкупленъ русскими!.. За русское золото ты продалъ своихъ!.. Ты — шпионъ!.. Разстрѣлять его!.. И жену его разстрѣлять!.. И дѣтей разстрѣлять!..

Разстрѣляли старика Дреера на глазахъ его жены, а жену разстрѣляли на глазахъ дѣтей.

Потомъ поочередно стали разстрѣливать дѣтей.

Дошла очередь до маленькаго десятилѣтняго Фердинанда Дреера, но драгуны никакъ найти его не могли.

Онъ спрятался въ погребъ, въ тайникъ.

Сдѣлавъ свое варварское дѣло, нѣмецкій развѣздъ ускакалъ.

Воинственный танец албанцевъ.

Маленькій Фердинандъ Дрееръ сидѣлъ въ тайникѣ погребѣ весь день, всю ночь.

Но потомъ не выдержалъ, выползъ на улицу и отъ страха и ужаса одиночества сталъ плакать.

Пришелъ русскій отрядъ во главѣ съ капитаномъ-инженеромъ.

Услышали наши солдаты дѣтскій плачь, пошли и, увидѣвъ обездоленнаго сироту, подобрали его, приютили.

Уходя дальше, они забрали съ собою и Фердинанда Дреера.

Сначала мальчикъ дичился и постоянно плакалъ, а потомъ обвыкся, привязался къ нашимъ солдатамъ.

Капитанъ сшилъ для мальчика русскую военную форму, въ которой онъ идетъ вмѣстѣ съ отрядомъ.

МАЗУРСКІЯ ОЗЕРА ВЪ ИСТОРИИ И ПРЕДАНІЯХЪ.

Мазурскія озера, гдѣ судьбѣ угодно было столкнуть для рѣшенія стараго спора русскія войска съ германскими, занимаютъ въ исторіи и поэзіи не мало страницъ.

Здѣсь, на этой древней славянской землѣ, откуда люди шли за Лабу и дальше, среди топкихъ болотъ, не высыхающихъ зыбунъ и глубокихъ озеръ отважные мазуры и великополяне отразили набѣги прусскихъ племенъ, и много могильныхъ кургановъ, теперь уже безыменныхъ, а нѣкогда овѣян-

ныхъ преданіями геройской старины, послужили нѣмцамъ для устройства разныхъ застѣкъ, блокаузовъ и дефиле. Еще недавно берлинскій археологъ Густавъ фонъ-Гуттенъ производилъ раскопки этихъ кургановъ и находилъ въ нихъ черепа, расколотые сѣкирами и мечами, и позвонки, въ которыхъ еще сохранились заржавленные острия стрѣлъ.

Тотъ же археологъ, изучая глубину торфяного пласта, вырылъ совершенно сохранившагося всадника.

Это былъ нѣмецкій рыцарь, судя по гербу на панцырѣ, родомъ изъ Саксоніи. Онъ и его конь, покрытый доспѣхами изъ толстой кожи и мѣдныхъ пластинъ, пропитались торфяными кислотами въ мазурскихъ болотахъ.

Здѣсь каждое мѣсто видало бои, каждый камень, покрытый толстымъ слоемъ мха, каждый старый дубъ и дуллистая, похожая на чудовище ива говорятъ мѣстнымъ жителямъ о давнихъ быляхъ.

Вотъ одна изъ нихъ.

Связана она съ именемъ озера Велюнь. Во времена, когда старый Кролевецъ былъ стольнымъ городомъ польскихъ племенъ, раскинувшихся отъ Карпатъ до моря, тамъ стоялъ сильный замокъ князя Мазовецкаго и Великопольскаго Лѣшка Рыжаго.

Могучъ былъ князь и отваженъ и смолоду любилъ бои. Но къ тому вре-

мени, когда въ мѣднокрасныхъ волосахъ его зазмѣнились серебряныя нити, въ молитвахъ проводилъ дни Лѣшекъ. Однажды пришли къ князю люди съ самага рубежа и сказали, что появился чуждый рыцарь, что убиваетъ онъ прохожихъ и грабитъ деревни. Уже выходили противъ него лихіе подляшскіе князья Збормиръ и Разиславъ, да одолѣлъ ихъ неизвѣстный рыцарь.

Каждый день приходили вѣсти, одна тревожнѣе другой. Слезы, горе и страхъ народа заставили Лѣшка надѣть на себя кольчугу, взять палицу и мечъ и, сѣвъ на коня, двинуться на врага. Встрѣтились они у деревни Пржеборже и бились долго, отъ восхода до заката солнца, и когда уже сумерки и зыбкіе туманы потянулись надъ землей, началъ одолевать Лѣшекъ Рыжій, а когда луна выглянула изъ-за бора, могучимъ ударомъ меча отсѣкъ онъ голову и правое плечо врага.

Оруженосцы уже бросились было снять доспѣхи рыцаря, какъ вдругъ изъ-подъ земли забила вода, и на мѣстѣ боя широко раскинулось глубокое, ржавое болото, поглотившее и стараго Лѣшка и рыцаря. А былъ то чернокнижникъ изъ Марбурга графъ Конрадъ Веллинъ-Остероде. Озеро прозвали Велюнь. Преданіе гласитъ, что это мѣсто всегда было гибелью для нѣмцевъ, — и при всѣхъ князьяхъ Мазурскихъ, и позднѣе, когда уже при Ягайлѣ и Витольдѣ на берегу Велюнскаго озера палъ подъ Грюнвальдомъ самъ великій магистръ тевтоновъ, Ульрихъ фонъ-Юнгингенъ и Оттонъ, амріенбургскій епископъ, разрубленный пополамъ Завившей Чернымъ.

Старые люди передаютъ, что живо еще преданіе, будто конецъ нѣмецкаго народа наступитъ у озера Велюня, куда зовутъ ихъ мстить за свою гибель чернокнижникъ Конрадъ Веллинъ-Остероде и откуда благословляетъ на побѣдные бои славянъ благочестивый Лѣшекъ, князь Мазурскій и Великопольскій.

Божественный «Вилли».

— Я думаю, что скоро его величество пригласитъ луну раздѣлить съ нимъ ложе,—по примѣру того римскаго императора который вообразилъ себя богомъ.—Такъ сказала недавно о Вильгельмѣ одна изъ его сестеръ.

И, кажется, въ насмѣшкѣ принцессы есть своя доля правды, потому что Вильгельмъ II въ буквальномъ смыслѣ понималъ слова Діоклетіана, которыя тотъ произнесъ, умирая:

— Мнѣ кажется, что я становлюсь богомъ.

Въ книжномъ складѣ „20-й ВѢКЪ“

Петроградъ, 7-я Рождественская, 30,
и на всѣхъ станціяхъ желѣзныхъ дорогъ
продаются слѣдующія книги:

ДРЕВО ПОЗНАНІЯ ДОБРА И ЗЛА.

Злая пародія на энциклопедіи и словари современника. Полное объясненіе нѣсколькихъ тысячъ русскихъ словъ.

Веселыя характеристики современныхъ писателей, художниковъ и артистовъ.

Эта книга — совершенно небывалое явленіе въ русской юмористической литературѣ и вполне заслуженно пользуется огромнымъ успѣхомъ у читающей публики.

Юморъ брызжетъ изъ каждой строки этой заразительно-веселой пародіи на энциклопедіи. Сотни блестящихъ афоризмовъ, остроумныхъ стихотвореній, забавныхъ характеристикъ — национальностей, городовъ, общественныхъ дѣятелей и т. п. Составилъ Мрачный Юмористъ. 320 стр. текста.

Цѣна одинъ рубль

съ пересылкой (можно почтовыми марками). Выписывающіе съ наложеннымъ платежомъ уплачиваютъ 1 руб. 25 коп.

ЗАКАЗЫ АДРЕСОВАТЬ:

Петроградъ, 7-я Рождественская ул., д. № 30. Книжный складъ журнала „20-й вѣкъ“.

ОБЫВАТЕЛИ.

33 юмористическихъ
== разказа ==

—> Евгенія Сно. <—

СОДЕРЖАНІЕ. 1. Столицы. — 2. Адская мѣсть. — 3. Испанскій романъ. — 4. Англискій романъ. — 5. Китайскій романъ. — 6. Маскотта. — 7. Не по средству. — 8. Мой первый ужинъ. — 9. Принцесса. — 10. Макароны. — 11. Семейника. — 12. Письмо. — 13. Опасный возрастъ. — 14. Подъездъ. — 15. Фракъ. — 16. Алашъ. — 17. Нѣтъ худа безъ добра. — 18. Счастливейшій билетъ. — 19. Талантливая семья. — 20. Культурная миссія. — 21. Опись имущества. — 22. Собственникъ. — 23. Венерафисъ. — 24. Нарушеніе тишины. — 25. Елины. — 26. Не женился и отлично сълалъ. — 27. Письма дядюшки. — 28. Иродъ. — 29. Демонъ. — 30. Весенняя любовь. — 31. Застѣнчивость. — 32. Дачная удовольствія. — 33. Тайна сердца.

160 страницъ. Цѣна 60 коп.

ХРИЗАНТЕМЫ

СОДЕРЖАНІЕ. Оркъ. Венеціанская сказка. Жоржъ Зандъ. — II. Народный праздникъ въ Римѣ Де-Сталъ. — III. Бѣгство Мегги Джорджъ Элотъ. — IV. На разныхъ дорогахъ Элизы Ожешко. — V. Какъ надо любить. Пастель М. Серра. — VI. На полѣ битвы. Берты Зутерфельдъ. — VII. Музыкантъ Сельма Ларгерфельдъ. — VIII. Часы Клары Иогъ. — IX. Марьяшка. Марія Конопницкой. — X. Въ туманѣ. Ады Негри. — XI. Кровавая мѣсть. Карменъ Сильва. — XII. Моя первая любовь. Э. Пардо-Базанъ. — XIII. Пьеретта. Жиль. — XIV. Жизнь. — XV. Поэма въ прозѣ Нины Биччи.

160 страницъ. Цѣна 60 коп.

МУХОМОРЪ.

26 юмористическихъ
== разказовъ ==

—> Евгенія Сно. <—

СОДЕРЖАНІЕ. I. Въ тѣломъ уголькѣ. — II. Собственный корреспондентъ. — III. Разбитое сердце. — IV. Отелломанія. — V. Ванна. — VI. Остроумія. — VII. Ридики нарушены. — VIII. Артисты. — IX. Источникъ просвѣщенія. — X. Капканъ. — XI. Черная неблагодарность. — XII. Развалина. — XIII. Американка. — XIV. Интеллигентное знакомство. — XV. Междупланетное свиданіе. — XVI. Зубы. — XVII. Счеты. — XVIII. Старѣющее и ювейшее. — XIX. На всѣ руки мастеръ. — XX. Самообразование. — XXI. Дядя. — XXII. Добросовѣстность. — XXIII. Таргъ. — XXIV. Фасиско. — XXV. Святое искусство. — XXVI. Орница.

160 страницъ. Цѣна 60 коп.

ЧЕРТОПОЛОХЪ.

47 юмористическихъ
== разказовъ ==

—> Евгенія Сно. <—

Изданіе 3-е. Восьмая тысяча
1. Безпокойная жизнь. 2. Мы. — 3. Экономная жена. — 4. Коверъ съ колетъ. — 5. Другъ семьи. — 6. На романической покладкѣ. — 7. Авоська. — 8. Жизнь. — 9. Бунтъ. — 10. Красный пѣтухъ. — 11. Рыболовъ. — 12. Не убивай его. — 13. Страхи. — 14. Д. б. романистическая. — 15. Дорогое удовольствіе. 16. Словесы. — 17. Приятель. — 18. Давъ въ есты. — 19. Лѣшій. — 20. Сонъ. — 21. В. г. г. г. г. г. — 22. Геликатность. — 23. Чудило. — 24. На высотѣ. — 25. Столичный гость. — 26. Птицы. — 27. Кулинарное искусство. — 28. Шуки. — 29. Лига смерти. — 30. Формы. — 31. Авиаторъ. — 32. Хирургія. — 33. Сеансъ. — 34. Подражатели. — 35. Мандаринъ и Сатирикъ. — 36. Ночью. — 37. Муки. — 38. Ваятели гладки. — 39. Толстый и тонкій. — 40. На улицѣ. — 41. Гимназисты. — 42. О красной шапочкѣ. — 43. Улика. — 44. Живая хронологія. — 45. Анекдоты. — 46. Гамлетъ. — 47. Зелье.

256 страницъ. Цѣна 1 руб.

ОРХИДЕИ.

Литературно-художественный
сборникъ произведеній лучшихъ европейскихъ писательницъ.

СОДЕРЖАНІЕ. I. Король ѣдетъ. Каринъ Миллазисъ. — II. Изъ Анны Биванти. III. Умилтъ. Новелла Уайда. — IV. Клятва М. фонъ-Эдлеръ-Эшенбахъ. — V. Сказка про бѣлаго бычка. М. Родзвичъ. — VI. Комическая трагедія. Мисъ Клиффордъ. — VII. Сказочность. Новелла Незол. — VIII. Старость — не радость. — IX. Любовь слѣпа. М. Дель-Гранца.

160 страницъ. Цѣна 60 коп.

ГОРОДЪ МЕРТВЫХЪ.

Повѣсти и разказы
—> О. П. Снѣгиной. <—

СОДЕРЖАНІЕ. Городъ мертвыхъ. Колдунъ. — Барыня. — Жена неааря. — Туманный вечеромъ. — Ватракъ. — Лѣсная сторожка. — амень съ коши. — Человѣкъ съ черными глазами. — Продажи. — Тестъ смерти. — Семь. — Собака клоуна. — Мой врагъ. — Въ пылу. — Мечта. — Старое кладбище. — Анна Ивановна. — Скорбящимъ. — На отамкѣ.

160 страницъ. Цѣна 60 коп.

Викторіенъ де-СОССЕИ

НОЧЬ ЛЮБВИ. (Un Nuit d'Amour).

Популярный авторъ Викторіенъ де-Соссей, недавно выпустилъ въ свѣтъ новый шедевръ своего искусства.

„Ночь любви“ — романъ страсти, какъ гласятъ французскій подзаголовокъ книги, даетъ дѣлать вѣтлѣно захватывающее, въ высшей степени, отъ роже-ное описаніе картъ, нѣ страсти, которыя сильнѣе разстоянія и, разъ, овладѣвъ человѣкомъ, уже не даетъ ему свободы. Гдѣ же онъ не былъ; въ Па мѣхъ-ли, въ Африкѣ — вслухъ, о томъ же съ нимъ ласковымъ образомъ, спасающаго отъ соблазна жизни и выводя невредимымъ изъ боръ-бы.

Книга снабжъ на многокрасочной художеств. обложкѣ, на мѣловой бумагѣ. Книгъ эта переведена на всѣ европейскіе языки.

256 стр. илль. Цѣна 1 руб.

„ПОДУСВѢТЪ“.

Иллюстрированный альманахъ легкаго жанра съ рисунками и каррикатурами лучшихъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ.

Краткое содержаніе. Историческіе и дамы полусвѣта: Фрида — Аспазія. — Николь де Лавильо. — Фивольдинъ разказы: Шикъ-Мими. — Тайны ко отки. — Какъ я отомстила. — Изъ дневника Этуали Фуроръ. — Мимоза. — По договору. — Изъ парфюмернаго магазина. — Маленькая ошибка. — Сербинтинъ. — На испытаніи. — Рудъ водство для атулай. — По ошибкѣ. — Незнакомка. — Не исти. — Въ стѣнхъ Парижа. — Сигналъ. — Дѣловышпль. — Вохракъ. — Письма. — Секреть. — Къ ому того, стихи мнжъ-ство вес лѣхъ мелочей съ 60-ю инте-ресными иллюстраціями въ текствѣ, въ роскошной худож. и огокрасочной об-ложкѣ.

160 страницъ. Цѣна 60 коп.

Игривая жена

Романъ Вилли. Почти во всѣхъ со-мнѣннхъ талантиваго автора Вилли выигрываетъ остроумный скептикъ Мажж. Романъ „Игривая жена“ все-гдѣ по яцене Мажж и его возлюб-ленной — жель Лона Тайе — игривой мѣртъ. Читается съ громаднымъ ин-тересомъ. Цѣна 1 руб.

При покупкѣ книгъ на сумму, не менѣе 2-хъ руб. — пересылка за счетъ конторы. При заказахъ просить высылать задатокъ 50%. (Можно марками)

Каталоги высылаются — бесплатно

Прекрасная венеціанка.

Романъ М. Формонъ. Последнее произведеніе французскаго романа М. Формона посвящено рыцарской любви молодого и знатнаго венеціанца Паоло къ прекрасной Цециліи. Цѣна 1 р.

Подруга принца Жана.

Вилли. Подруга принца Жана — такъ назывъ актрису Гастану, даму балъ-заковскихъ лѣтъ, красавицу съ неу-ротимымъ темпераментомъ. То обстоя-тельство, что ея интимнымъ другомъ является таинственный принцъ Жанъ, чуть ли не королевская особа — окру-жаетъ Гастану особымъ ореоломъ въ глазахъ ея поклонниковъ. Это книга романа, на которой остроумный Вилли вышилъ множество изящно-скабръ-ныхъ узоровъ. Описание сценъ любви полно шаловливой игривости. Ц. 1 р.

Красный поцѣлуй.

М. Формонъ. На фонѣ разсѣянной и легкомысленной жизни высшъ гофъ ая-цузскаго общества, разыгрывается тро-гательный романъ между испанскимъ аристократомъ Филипомъ Рамиро и дѣвушкой изъ французской буржуазіи, Терезой Соваль. Препятствіемъ для счастливаго соединенія влюбленныхъ служитъ прежняя любовница Рамиро, пылкая испанка, маркиза де Реаль.

Цѣна 1 руб.

Славнейшій старичокъ.

Вилли. Это талантливое произведеніе служитъ блестящимъ подтвержденіемъ словъ стараго князя Гремция: „Любови етъ возрастъ покорны“. Герой романа Тардо прожилъ спокойно до сѣдыхъ волосъ, но, вдругъ на его жизненномъ пути встрѣчается ему воздушная, изящ-ная красавица, Пимпинъ. Спокойствію самоуверенности Тардо пришель ко-нечъ, онъ безумно влюбился. Ц. 1 р.

Игры принца.

Вилли. Въ своемъ новомъ произве-деніи, талантлвй авторъ нашумѣв-шей книги „Клелдинъ“ яркими крас-ками рисуетъ не узавую жизнь са-ременнаго французскаго высшаго оу-щества. Цѣна 1 руб.

„ВѢСТНИКЪ РАСТИТЕЛЬНОЙ КОСМЕТИКИ“

ПОМѢЩАЕТЪ СТАТЬИ ПО ВОПРОСАМЪ:

Какъ излѣчить совершенно безвредными до-машними средствами, всякія накомыя болѣзни; какъ сохранить и усилить свою красоту; какъ уни-чтожить всѣ дефекты лица, какъ-то: загаръ, вес-нушки, угри, прыщи, морщины и гусинья лапки.

Словомъ, все, что можетъ interessierenъ каж-дую женщину для ухода за ея здоровьемъ, красо-той глазъ и гигиеной тѣла, лица, рта, зубовъ и во-лосъ, она найдетъ въ этомъ журналѣ.

Подробный иллюстрированный про-спектъ о растительной косметикѣ вы-сылается бесплатно.

Адресовать въ Главную Контору редакціи жур-нала «Вѣстникъ Растительной Косметики»:
ПЕТРОГРАДЪ, Дегтярная ул., д. № 26-30

Съ 15-го апрѣля 1915 года журналъ „ВОЙНА“, до сихъ поръ выходившій специальными сборниками, подъ разными названіями, измѣняетъ свой типъ на болѣе оригинальный и начнетъ выходить подъ общимъ названіемъ .

ВОЙНА

(прежде, теперь и потомъ).

Литературно-художественный, историческій, этнографическій и юмористическій, роскошно-иллюстрированный еженедѣльникъ.

Историческія рѣшѣнія (съ древнѣйшихъ временъ) въ картинахъ, разсказахъ, очеркахъ, замѣткахъ и историческихъ анекдотахъ.

Вспомогательныя рѣшѣнія въ рисункахъ и разсказахъ очевидцевъ. Разсказы лучшихъ писателей. Фотографіи съ натуры. Наброски очевидцевъ. Панорама войны.

Событія и характеры войны въ захваченные великой войной. Этнографическіе очерки и замѣтки. Корреспонденціи. Фотографіи и рисунки. Типы и бытовые сцены. Пѣсни, сказки и пословицы.

Герои войны и герои всѣхъ странъ, временъ и народовъ.

Военныя фантазіи. Фантазіи и утопіи лучшихъ писателей этого жанра.

Картинныя рѣшѣнія и иллюстраціи. Множество рѣдчайшихъ гравюръ, портретовъ, фототипій, набросковъ съ натуры и фотографій.

Цѣль отдѣла юмора и юмористическія рѣшѣнія.

Требуйте у всѣхъ газетчиковъ столицъ и провинціи, въ кіоскахъ на всѣхъ пристаняхъ и на всѣхъ станціяхъ желѣзныхъ дорогъ.

Издатель: *И. П. Соловьевъ*, редакторъ: *В. П. Соловьевъ*, Москва, 1915 г.